

Моя кровь стала холодной. Это было то, о чем я слышал и читал в книгах, но не думал, что это возможно в реальном физическом смысле. Конечно, на самом деле кровь не превратилась в лед в моих венах, просто мне так показалось, когда она это сказала.

Я понял, что ситуация не очень хорошая, когда она открыла дверь, посмотрела мне в лицо и сразу же сказала: "Джейсон, заходи. Нам нужно немного поговорить".

Я выбрал холодный и непринужденный подход, изображая невинность, когда последовал за ней в дом.

"В чем дело?" спросил я, надеясь, что ошибся.

Тревога охватила мои внутренности. Внутри меня все сжалось от чувства вины, а смущение согревало лицо.

Моя бабушка прошла в конец коридора и остановилась перед последней дверью справа.

"Сюда", - сказала она.

Если мне и нужно было какое-то подтверждение того, что меня поймали, то это было именно оно. Иначе зачем бы она вела меня в свою спальню?

Которая была местом преступления.

"Что случилось?" повторил я, изображая недоумение. Было очевидно, что меня поймали, но я все еще надеялась.

В комнату вошла моя бабушка. Она обошла свою большую кровать и остановилась рядом с прикроватной тумбочкой, маленьким, с тремя ящиками, шкафчиком у изголовья кровати. Она повернулась ко мне лицом, пока я стояла в дверном проеме. Я не был внутри комнаты, но и не выходил в коридор. Я смотрела на нее с этой ничейной земли, пока она ставила кулаки на бедра и бросала на меня один из своих взглядов.

Моя бабушка посмотрела на шкаф, а затем в мои глаза.

"Заходи", - сказала она. "Давай. Заходи сюда. Не таись там".

"I ... Я не понимаю", - заикалась я, настоящий страх сковывал мои жизненные силы.

"Поймешь", - сказала она, быстро кивнув головой. "Все очень быстро станет очень понятным".

Я двинулся в ее спальню с поведением человека, которого собираются выпороть. Когда унижение от моего преступления закрутилось внутри меня, я с величайшей неохотой шагнул в ее спальню.

"Если я открою верхний ящик, Джейсон", - сказала она. "Что я найду?"

Мне показалось, что после ее слов мой желудок превратился в воду. Мой сфинктер ослаб, когда реальность сместилась, а мозг отказывался признать происходящее.

"I ... Я не знаю", - сказал я с бульканьем.

Она вздохнула и сказала: "Не лги, Джейсон. Слишком поздно для лжи. Я знаю, что ты был здесь".

Я не мог найти слов, чтобы ответить. Поэтому все, что я делал, это стоял и таращился.

"Я подозревала уже пару месяцев", - сказала моя бабушка. "Но сначала я в это не верила. Я думала, что ошибаюсь, что я совершила ошибку. Но через некоторое время я поняла, что не ошиблась. И я думала и думала об этом. Я размышлял целую вечность. А потом знаешь, что я сделал, Джейсон?".

Все, что я смог сделать, это сделать глоток и медленно покачать головой из стороны в сторону, мой взгляд был прикован к глазам бабушки.

"Я установила маленькую шпионскую камеру вон там", - сказала она, указывая на туалетный столик напротив кровати. "Она находится под зеркалом".

Шок ударил меня, как физический удар. Я задыхалась, звук вырвался сам собой, не осознавая, что собираюсь это сделать.

"Да", - ухмыльнулась она. "Интересные кадры. Полагаю, ты не хочешь посмотреть несколько отредактированных моментов?"

Моя бабушка указала на планшетный компьютер, лежащий на одной подушке.

"У меня там все есть", - добавила она.

Мне вдруг стало плохо. Холодная кровь бросилась в жар, и моя кожа начала коченеть. Мысленно я представила то, что, должно быть, видела моя бабушка, и от ужаса я застонала.

"Да", - сказала моя бабушка. "Ты должна стонать, черт возьми, ты, грязная маленькая дрянь".

Несмотря на шок от того, что меня застали врасплох, мой рот все еще не закрывался, когда она говорила со мной таким тоном. Она очень прямолинейна и не боится высказывать свое мнение, но обычно она сдержана и не использует ненормативную лексику. Даже легкое "дерьмо" звучало из ее уст неправильно. Это было все равно, что увидеть монашку, делающую минет.

Это был один из тех ужасных, отвратительных моментов, когда хочется, чтобы Земля просто разверзлась и проглотила тебя целиком. Я был убит тем, что я сделал, и тем, что она увидела.

Стыдясь и не в силах смотреть ей в лицо, я пробормотал: "Мне жаль".

"Прости, да?" - сказала она, сложив руки. "Это все, что ты можешь сказать?"

Я заглотнул, теряясь в словах, в моей голове царил смятение. У меня было смутное представление о том, как все будет дальше. Это всегда будет между нами. Я никогда больше не смогу находиться в ее присутствии, не вспоминая о грехе. Я был бы виновен и опозорен, это чудовище навсегда осталось бы со мной.

"Кто-нибудь знает?" в конце концов вздохнула я.

Моя бабушка ехидно рассмеялась, и я рискнула взглянуть на ее лицо.

"Что?" - сказала она, вскинув брови. "Как твоя мама, ты имеешь в виду?"

Я увял под теплом ее взгляда.

"И что, черт возьми, я ей скажу, Джейсон?" - добавила она, закатив глаза. "Могу я просто обронить это в разговоре с твоей мамой за чашечкой кофе?" Она фыркнула и развела руками. "Представь, как это будет. Да, кстати, Тара, ты знаешь, что Джейсон просматривал мои личные вещи? Он нашел фаллоимитатор и грязный журнал в ящике рядом с моей кроватью. Потом он использовал пару моих трусиков, чтобы поймать свою сперму, когда лег и дрочил себе."

Шок снова поразил меня. Это было быстрое "раз-два", я задыхалась, когда слушала ее непристойное описание.

"Пожалуйста, бабушка", - сказала я с трудом. "I ... О, Боже, прости меня".

"Нет", - сказала она, прервав меня прежде, чем я смогла начать лепетать. "Я никому ничего не говорила. Это только между нами".

Я сглотнул от быстрого прилива облегчения. По крайней мере, мое унижение было ограничено только двумя людьми.

"Спасибо", - вздохнула я.

"Не благодари меня, черт возьми", - ответила моя бабушка. "Нам с тобой еще нужно поговорить. У меня есть вопросы, Джейсон. Есть вещи, которые я хочу знать".

"Разве я не могу просто уйти?" спросил я. "Пожалуйста".

Когда я посмотрел на нее, выражение лица моей бабушки было скорбным. Она вытянула лицо, похожее на гримасу сожаления, и продолжила: "Нет, Джейсон. Мне жаль, но ты должен остаться и посмотреть правде в глаза. Ты должен встретиться со мной лицом к лицу. Если ты не останешься здесь и не поговоришь со мной, и если ты не будешь полностью честен", - добавила она. "Тогда я скажу кое-что твоей матери. Тебе это ясно? Ты останешься и поговоришь. Будь честен. Полностью правдивым".

"Я постараюсь", - сказал я.

"Ты сделаешь лучше, чем попытаешься".

Она позволила мне стоять там и тушеваться, по крайней мере, целую минуту. Бабушка просто смотрела на меня, сложив руки, пока я тщетно пыталась найти хоть какой-то выход из трясины.

"Я не сержусь, ты знаешь", - сказала она через некоторое время. Я услышал, что ее тон смягчился, и поднял глаза, чтобы увидеть то же самое на ее лице. "О, я злилась", - сказала она мне, широко раскрыв глаза. "Но теперь я более... любопытна. Поэтому я собираюсь дать тебе шанс. Я не могу сказать, что вы сможете все исправить. Но ты можешь попытаться объяснить. Я буду слушать, обещаю".

Я посмотрел на нее и спросил: "Ты действительно не сердишься?"

"Нет, Джейсон, не сержусь".

Я подумал об этом несколько секунд. Решил, что у меня нет выбора, и, когда я отпустил это, когда сдался и поддался ее воле, я почувствовал, как меня охватил сильный прилив эйфории. Это была исповедь. Если я расскажу ей то, что она хотела знать, то смогу в значительной степени избавиться от ужасного чувства вины и стыда, которое я испытывал последние несколько минут.

Я кивнула и почувствовала, как стальной стержень сковал мою решимость.

"Хорошо", - сказал я. "Что вы хотите знать?"

Все началось со случайного взгляда на декольте моей бабушки. Однажды, в один прекрасный день, я вдруг осознал женскую привлекательность своей бабушки. Раньше я никогда не думал о ней как о женщине. Для меня она была просто моей бабушкой. Матерью моей матери. Щедрая, добрая, никогда не скажет плохого слова или поступка. Сколько я себя помню, она жила одна, ее дом находился всего в паре улиц от нашего. Она была няней, когда я была младше. Делала все бабушкины дела. И вдруг, когда она наклонилась вперед, опершись локтями на кухонную стойку в нашем доме однажды днем, я оказался лицом к лицу с глубокой складкой ее декольте, ее тяжелые груди, не совсем открытые моему взгляду, но достаточно округлые, чтобы вызвать реакцию на моем члене.

Я вышел из кухни и пошел в свою комнату. Я мастурбировал до быстрой и беспорядочной кульминации, в моей памяти запечатлелась щедрость моей собственной бабушки.

Я не мог выключить его. Хотя я знал, что это неправильно, я все еще дергал свой член и думал о ней, с каждым разом фантазии становились все более развратными и грубыми, пока она не стала ходить голой. В своей голове я представлял себя неким невидимым вуайеристом, который наблюдает за тем, как моя бабушка занимается своими повседневными домашними делами без единого шва. Хотя, по мере того как мои фантазии становились все горячее, я представлял ее в туфлях на высоком каблуке, ее большие сиськи колыхались, когда она передвигалась по дому.

Это был всего лишь вопрос времени, когда я обнаружил себя в ее спальне, подглядывающим за ней. Я знал, где мама хранит запасной ключ. Было достаточно просто завладеть им и вторгнуться в личное пространство бабушки, когда ее не было дома.

Фаллоимитатор и порнография стали двумя большими сюрпризами. Я не могла поверить, что у нее есть такие вещи.

Это превратилось в навязчивую идею. Я наблюдал за бабушкой и запоминал, как она двигается и как говорит. Я складывал ее выражения лиц в банк для дочки и вспоминал все это, пока мастурбировал на ее кровати, уткнувшись лицом в ее грязный журнал. Я даже нюхал фаллоимитатор, чтобы проверить, не осталось ли следов ее сущности. Иногда я сосал его и представлял, как она делает это с каким-нибудь воображаемым любовником, образы были настолько отвратительными, что я заливал спермой ее трусики.

В течение, наверное, часа я рассказывал бабушке все подробности после каждого ее вопроса. Честно говоря, она восприняла все очень хорошо, но если учесть, что у нее было время привыкнуть к шоку, я полагала, что худшее уже позади. От меня она хотела услышать только "почему" и "откуда". Мои причины делать то, что я делал. Которые, в конце концов, сводились к простому старому возбуждению.

"Значит, все началось с моей груди?" - спросила бабушка.

К тому времени мы уже лежали на кровати. Она сидела, прислонившись спиной к изголовью, за ней лежали две подушки, а ноги были вытянуты вперед. В тот день бабушка была в юбке и свитере, и оттопыренная горловина свитера не осталась незамеченной мной, пока я успокаивалась и рассказывала ей свою грязную историю.

Когда она задала мне этот вопрос, я сидела с весом на одном бедре, ноги были заведены за спину, так что я почти сидела на ногах, опираясь рукой о кровать на конце одной прямой руки, и огромная площадь ее декольте и то, как свитер прижимался к ее изгибам, притягивали мой взгляд к груди моей бабушки.

Я поднял глаза на ее лицо, и мои щеки потеплели, потому что я понял, что она поймала мой взгляд.

"Это поможет...?" - начала она, но потом сделала паузу.

Моя бабушка вздохнула, от чего ее грудь вздыбилась и надулась. Она покачала головой и что-то пробормотала про себя.

Я уловила часть ее слов, что-то вроде: "Просто сделай это. Просто скажи ему".

"Поможет ли тебе, - спросила моя бабушка, начиная снова, - если ты действительно посмотришь на мою грудь?"

<http://erolate.com/book/2290/59832>